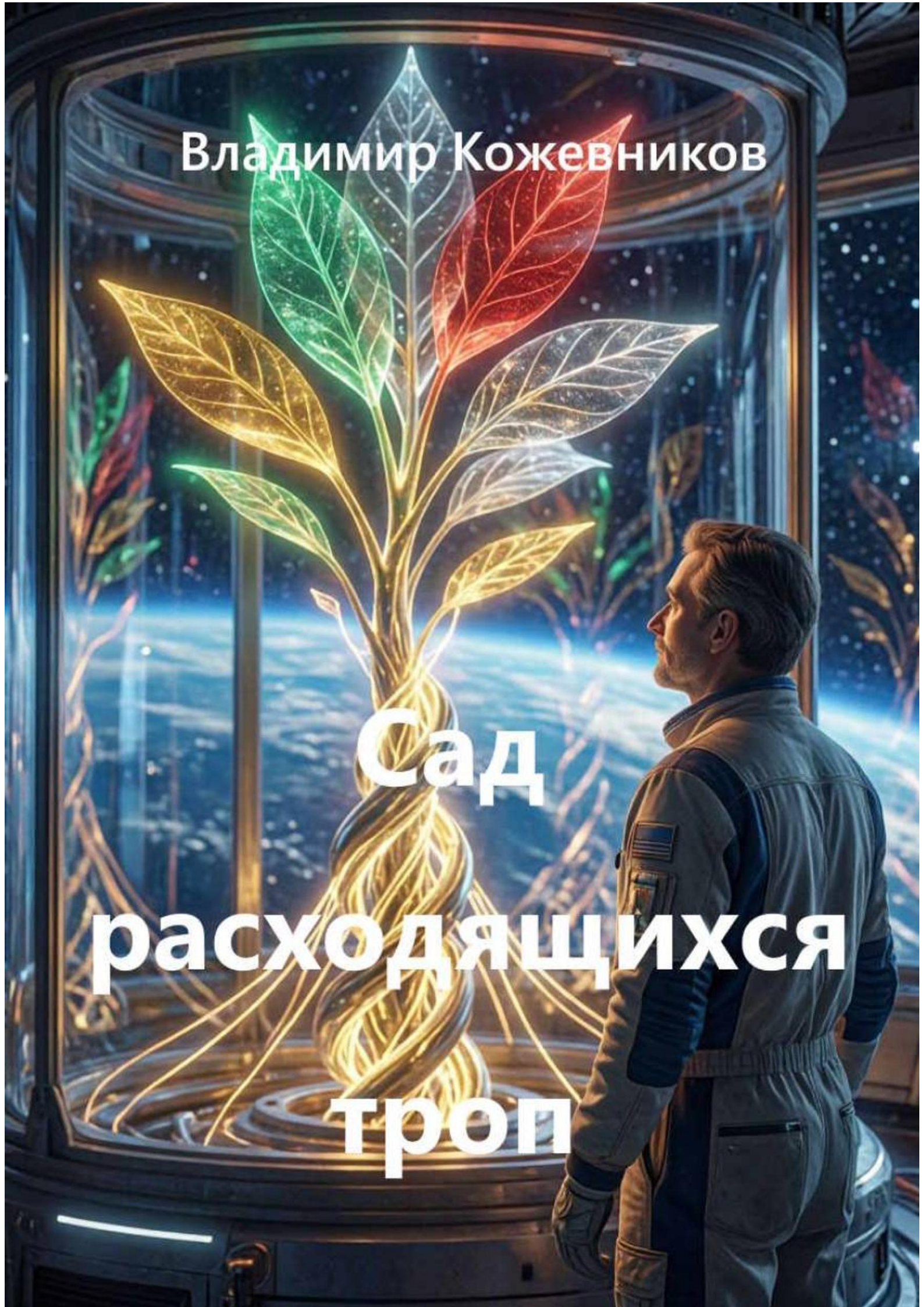

A man in a grey and blue spacesuit stands in profile, looking out of a large, curved window of a space station. Inside the station, a large, glowing plant with a thick, braided golden stem and several large, translucent leaves in green, red, and yellow colors is the central focus. The background outside the window shows the Earth's horizon and a starry space. The overall atmosphere is futuristic and hopeful.

Владимир Кожевников

Сад
расходящихся
троп

Владимир Кожевников

Сад расходящихся троп

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Сад расходящихся троп / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

Садовник Кириен шестой год работает на орбитальной станции «Эдем», выращивая растения для колоний и прячась от памяти о погибшей дочери. Однажды в оранжерею попадает семя, принесённое солнечным ветром из-за пределов системы. Оно прорастает в нечто, не подчиняющееся законам биологии: листья меняют цвет в зависимости от того, кто смотрит, корни уходят не в землю, а в пустоту, а прикосновение показывает каждому то, что он потерял. Кириен снова слышит голос дочери. Корпорация хочет забрать растение как оружие. Учёные спорят, что это — форма жизни, зеркало или вопрос. А растение предлагает выбор: остаться в мире, где больно, или уйти в тот, где всё иначе. Но у каждого выбора есть цена. Когда корни прорастают сквозь станцию, Кириен понимает: уничтожить их нельзя, войти в них — тоже. Ему предстоит найти третий путь — и ответ, который он даст, изменит не только его жизнь.

Содержание

Глава 1. Семя, пришедшее с ветром	6
Глава 2. Корни времени	9
Глава 3. Люди, которые смотрят в корни	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Кожевников

Сад расходящихся троп

Прошлое не исправить.

Но можно перестать искать его в чужих садах —

и посадить своё.

Глава 1. Семя, пришедшее с ветром

Орбитальная станция «Эдем» вращалась вокруг Земли на высоте четырёрхсот километров, и в её оранжерейном модуле пахло влажной землёй — запах, который в невесомости казался невозможным, кощунственным, как запах дождя в пустыне. Кириен Лавр провёл ладонью по стеблю генетически модифицированной пшеницы. Растение отозвалось лёгкой вибрацией — не от прикосновения, а от присутствия человека. Пшеница «Аврора-7» чувствовала тепло тела на расстоянии полуметра и поворачивала колосья к источнику — это было её модифицированной особенностью, за которую корпорация «Гелиос-Био» платила щедро, но недостаточно щедро, чтобы он перестал думать о дочери.

Он работал здесь шесть лет. Шесть лет — с тех пор, как Мирра умерла. Не от болезни, а от случайности, от того слепого случая, который не поддаётся никакой генной коррекции. Ей было девять. Она упала с велосипеда на грунтовой дороге в пригороде Нового Владивостока, ударилась виском о камень, и мир — его мир — остановился. Жена ушла через год. Кириен остался — с памятью, с виной, с работой, которая требовала точности и не оставляла времени на рефлексии.

Оранжерея «Эдема» была его убежищем. Двенадцать цилиндрических модулей, соединённых переходными шлюзами, каждый — со своей атмосферой, своим световым режимом, своей температурой. В невесомости растения росли иначе: корни тянулись не вниз, а в стороны, к источнику питательного раствора; стебли изгибались причудливыми спиралями, подчиняясь градиентам света и влаги. Кириен научился читать эти изгибы, как читают почерк. Он знал, когда растение голодно, когда ему не хватает микроэлементов, когда оно болеет. Он разговаривал с ними — не вслух, но мысленно, как разговаривал бы с ребёнком.

В тот день — сорок первый день стандартного цикла, 14 марта 2193 года по земному календарю — он проверял систему орошения в третьем модуле, где выращивали карликовые яблони. Деревья были выведены специально для марсианских колоний: низкорослые, неприхотливые, способные плодоносить в условиях слабой гравитации. Кириен как раз менял форсунку, когда датчики внешнего периметра зафиксировали аномалию.

Сигнал пришёл на его личный терминал — тонкий писк, который в обычной ситуации означал утечку кислорода или сбой в системе терморегуляции. Кириен отложил форсунку и взглянул на экран. «Внешнее воздействие: объект неустановленной природы. Траектория: входящая. Скорость: 12 км/с. Размер: 3 мм. Предположительно: микрометеорит».

Но это был не микрометеорит. Микрометеориты не замедлялись у внешнего шлюза, не зависали в вакууме, не начинали медленно, почти неохотно, двигаться к стыковочному узлу — как будто невидимая нить натянулась между ним и станцией.

Кириен нахмурился. Он вызвал инженера по внешним системам — женщину по имени Сольвейг, с которой у него были ровные, но прохладные отношения. Сольвейг ответила через минуту, её голос звучал сонно — она только что закончила дежурство.

— Кириен, что случилось?

— Датчики фиксируют объект. Он движется к шлюзу. Не метеорит. Не обломок. Что-то другое.

Пауза. Сольвейг, судя по звуку, поднялась с койки.

— Биологическое?

— Не знаю. Может быть. Оно... оно замедлилось. Как будто ждёт.

— Ждёт? — переспросила Сольвейг, и в её голосе появилась нотка, которая Кириену не понравилась. — Кириен, объекты не ждут. Это неживая материя.

— Я знаю, что написано в правилах. Я говорю то, что вижу.

Он отключил связь и направился к шлюзу. По пути он миновал модуль с помидорами — генетически изменёнными, устойчивыми к радиации, с плодами идеально сферической формы. Помидоры висели в воздухе, как маленькие красные луны, застывшие в невесомости, и Кириен на секунду залюбовался ими. Потом тряхнул головой. Сейчас не время.

Шлюз был холодным. Кириен надел скафандр — лёгкий, для внутренних переходов, — и открыл внешнюю камеру. То, что он увидел, заставило его замереть.

Объект висел в полуметре от стекла. Семя. Овальное, размером с ноготь мизинца, покрытое сетью тонких, светящихся прожилок. Оно не было похоже ни на одно семя, что Кириен когда-либо видел. Его оболочка переливалась — медленно, как масляная плёнка на воде, — и цвета менялись: от глубокого фиолетового до бледно-золотого, от изумрудного до цвета запёкшейся крови. Прожилки пульсировали, как вены.

Кириен протянул руку — и семя отреагировало. Прожилки вспыхнули ярче, и в этот момент он почувствовал... нет, не услышал, не увидел — почувствовал, как что-то коснулось его сознания. Лёгкое, как прикосновение пера к коже. Как будто кто-то — или что-то — заглянуло ему в душу и улыбнулось.

Он отшатнулся. В голове пронеслось: «Протокол. Не впускать. Доложить. Ждать инструкций». Но потом он посмотрел на семя — и увидел, как его прожилки пульсируют в такт его собственному сердцу. Оно ждало. Просило. И где-то в глубине его существа — там, где всё ещё жила Мирра, — что-то отозвалось.

Он вспомнил, как Мирра однажды принесла домой семечко одуванчика и посадила его в чашку с землёй. Оно не проросло. Она плакала. Он сказал: «Иногда семена не прорастают, но это не значит, что их не нужно сажать». Тогда она посмотрела на него — серо-голубыми глазами, полными слёз, — и сказала: «Но я хотела, чтобы оно выросло, папа. Я так хотела».

— Сольвейг, — сказал он в коммуникатор, и голос его дрогнул. — Оно живое. Оно... оно смотрит на меня.

— Кириен, ты пугаешь меня.

— Я сам себя пугаю.

Он принял решение. Может быть, неверное. Может быть, опасное. Но он был садовником, а садовники не оставляют семена в вакууме. Он открыл внешний шлюз — на секунду, на долю секунды, — и семя скользнуло внутрь, в тёплый воздух модуля, и мягко опустилось на его ладонь.

Оно было тёплым.

Кириен закрыл шлюз и снял шлем. Семя лежало на его ладони, и прожилки его теперь светились ровным золотым светом — спокойным, почти нежным. Кириен смотрел на него, и в груди у него что-то сжималось — знакомое, забытое чувство. Он не мог его назвать. Может быть, надежда. Может быть, страх.

Он понёс семя в оранжерею.

Он не знал, что в этот момент в штаб-квартире корпорации «Гелиос-Био» на Земле, в одном из подземных уровней, на экране монитора вспыхнула красная точка. Система слежения, настроенная на обнаружение аномалий в околоземном пространстве, зафиксировала объект. Оператор — молодой человек с усталыми глазами — нажал кнопку вызова. Супервайзер — женщина с резкими чертами лица и холодными глазами — подошла к монитору и смотрела на данные три секунды.

— Отправьте запрос на станцию. Пусть проверят. И готовьте группу.

— Какую группу, сэр?

— Ту, которая умеет забирать то, что нам нужно.

Кириен ничего этого не знал. Он сидел в оранжерее, держал семя в ладонях и смотрел, как оно медленно, с тихим шелестом, начинает прорастать. Корешок — тонкий, белый, светящийся — пробил оболочку и потянулся вниз. Но не к земле в горшке. К земле, которой не

было. Корешок уходил в воздух, в пустоту, и там, где он проходил, воздух начинал дрожать, как дрожит марево над горячим асфальтом.

И вместе с этим дрожанием что-то менялось в самой оранжерее. Кириен заметил это не сразу: сначала ему показалось, что свет стал мягче, теплее, как будто кто-то убавил яркость ламп и добавил золотистый оттенок. Потом он увидел, что пшеница «Аврора-7» — все двенадцать колосьев — повернулась не к нему, а к семени. А потом в углу модуля, там, где никогда ничего не росло, из воздуха — из ничего — начал подниматься тонкий стебель. Он был полупрозрачным, как стекло, и внутри него пульсировал свет.

Кириен смотрел на это, и в его памяти — помимо его воли — всплыло лицо Мирры. Её улыбка. Её голос: «Папа, а правда, что звёзды можно посадить?»

Он не ответил тогда. Теперь он смотрел на семя, которое росло в никуда, и думал: может быть, звёзды и правда можно посадить. Может быть, всё, что мы теряем, где-то растёт.

Он не знал, что это только начало. Но растение — знало. И в тот момент, когда первый лист развернулся, Кириен увидел, как его отражение в стекле оранжереи на мгновение изменилось. В отражении он был не один. Рядом с ним стояла девочка с растрёпанными волосами и смотрела на него с улыбкой.

Он обернулся. Никого.

Но лист растения — только что бывший золотым — стал цвета её глаз. Серо-голубого. Цвета утреннего неба над Новым Владивостоком.

Глава 2. Корни времени

Кириен не спал всю ночь. Он сидел в оранжерее, в третьем модуле, среди карликовых яблонь, и смотрел, как растёт семя. К утру — по стандартному циклу станции, который имитировал земные сутки, — растение достигло высоты полуметра. Оно не было похоже ни на что, что Кириен когда-либо видел: стебель — полупрозрачный, как горный хрусталь, с золотистыми прожилками внутри, — тянулся вверх, изгибаясь спиралью, как будто следовал за невидимой траекторией. Листья — их было семь, и каждый — размером с ладонь — висели в воздухе, не прикрепленные к стеблю, а связанные с ним тонкими, светящимися нитями. Они медленно вращались вокруг своей оси, и при каждом повороте меняли цвет: от изумрудного к золотому, от золотого к фиолетовому, от фиолетового к серо-голубому — цвету глаз Мирры.

Кириен протянул руку и коснулся одного из листьев. Он ожидал, что почувствует холод — лист выглядел как стекло, — но вместо этого ощутил тепло. Не просто тепло, а что-то другое: как будто он опустил руку в воду, нагретую солнцем. Лист отозвался на прикосновение — его цвет стал глубже, насыщеннее, и по прожилкам пробежала волна света.

И тогда Кириен услышал голос.

— Папа, дорогой...

Он замер. Голос был тихим, почти шёпотом, но он был — он был настоящим. Кириен узнал бы его из тысячи: голос Мирры, её интонация, её лёгкое грассирование на «р», которое она унаследовала от матери.

— Папа, — повторил голос. — Ты меня слышишь?

Кириен открыл рот, но не смог произнести ни слова. Горло сжалось. Он смотрел на лист, который теперь пульсировал в такт его сердцу, и в глубине его полупрозрачной поверхности — как в глубине воды — начали проступать очертания. Лицо. Маленькое, с растрёпанными волосами, с серо-голубыми глазами. Мирра.

— Я здесь, — сказала она. — Я всегда здесь.

Кириен отшатнулся. Лист вспыхнул ярче — и погас, вернувшись к спокойному золотому свечению. Голос исчез. Кириен стоял, тяжело дыша, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле.

Он не спал. Он не спал, и это было галлюцинацией. Семя — неизвестный объект — воздействовало на его мозг, вызывало видения. Нужно было доложить. Нужно было изолировать растение. Нужно было...

Но он не мог. Он снова протянул руку — и на этот раз коснулся листа сознательно, с полным пониманием того, что делает.

— Мирра, — прошептал он. — Ты здесь?

Лист снова начал пульсировать. И голос — её голос — ответил:

— Я всегда была здесь, папа. Ты просто не смотрел.

Кириен закрыл глаза. По щекам текли слёзы, и он не вытирал их. Он стоял в оранжерее, среди карликовых яблонь, и слушал голос дочери, которая умерла шесть лет назад. Он знал, что это неправильно. Он знал, что это опасно. Но в этот момент — впервые за шесть лет — он чувствовал, что жив.

Он попытался понять, что это такое. Утром, когда станция пробудилась, он взял образцы: кусочек листа, каплю светящейся жидкости из стебля, тонкую нить, соединяющую лист с растением. Он поместил их под микроскоп — и не увидел ничего. Ни клеток, ни структуры, ни ДНК. Только пустоту. Как будто образцы были не материей, а... чем-то другим. Пространством. Временем. Пустотой, которая смотрела на него в ответ.

Он проверил данные сенсоров. Растение не потребляло питательных веществ — оно не брало ничего из почвы, не поглощало свет, не дышало. Оно просто... было. Существовало. Как будто не подчинялось законам биологии — или подчинялось другим, неизвестным.

Кириен отложил микроскоп. Он чувствовал, что стоит на пороге чего-то огромного. Чего-то, что не укладывается в рамки его знаний. И это пугало его больше, чем он готов был признать.

Сольвейг пришла в оранжерею через два часа. Она нашла Кириена сидящим на полу, прислонившимся спиной к стене, с растением перед собой. Растение выросло ещё на полметра — теперь оно достигало метра в высоту, и его листья вращались медленнее, как будто устали. Кириен смотрел на них, не отрываясь.

— Кириен, — сказала Сольвейг. — Ты не отвечал на вызовы. Я волновалась.

Он медленно перевёл на неё взгляд. Глаза у него были красными, но выражение лица — спокойным. Слишком спокойным.

— Я в порядке, — сказал он. — Я просто... наблюдаю.

Сольвейг подошла ближе. Она увидела растение — и остановилась. Её лицо побледнело.

— Что это? — спросила она. — Кириен, что это такое?

— Оно пришло извне. Я говорил тебе.

— Ты говорил, что это семя. Это... это не семя. Это... — она запнулась, подбирая слово. — Это что-то другое.

Кириен кивнул. Он поднялся с пола — медленно, как старик, — и подошёл к растению. Листья отреагировали на его приближение: они повернулись к нему, как цветы к солнцу, и их цвет стал теплее, мягче.

— Оно реагирует на меня, — сказал Кириен. — Оно... оно помнит.

— Помнит? — переспросила Сольвейг. — Растения не помнят. У них нет памяти.

— У этого есть.

Сольвейг смотрела на него с тревогой. Она была инженером, человеком практическим, и всё, что она видела, противоречило её представлениям о мире. Но она также видела выражение лица Кириена — и понимала, что что-то изменилось. Что-то важное.

— Кириен, — сказала она тихо. — Что оно тебе показывает?

Он посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— Мою дочь.

Сольвейг не знала, что ответить. Она знала о Мирре — весь экипаж знал, — но никогда не говорила с Кириеном об этом. Это было табу, молчаливое соглашение: не касаться, не спрашивать, не беречь.

— Кириен, — начала она, — это может быть опасно. Мы не знаем, что это такое. Мы должны сообщить на Землю. Мы должны...

— Нет, — сказал он. Резко. Голос его окреп. — Нет. Пока не нужно.

— Но протокол...

— К чёрту протокол.

Сольвейг отшатнулась. Она никогда не видела его таким. Кириен всегда был спокойным, уравновешенным, почти апатичным. Теперь в его глазах горел огонь — и этот огонь пугал её больше, чем растение.

— Кириен, — сказала она, — я не могу просто игнорировать это. Это объект внеземного происхождения. Это...

— Это моя дочь, — перебил он. — Или что-то, что говорит её голосом. И я не позволю его забрать.

Он сам не понимал, что говорит. Слова выходили из него помимо воли. Но в то же время он знал, что это правда. Он не позволит. Он не выдержит ещё одной потери.

Сольвейг молчала. Она смотрела на него, и в её глазах была жалость. И страх. И что-то ещё — может быть, понимание. Она тоже кого-то теряла. Все на этой станции кого-то теряли — иначе они не оказались бы здесь, в четырёхстах километрах от Земли, среди генетически изменённых растений, вдали от всего, что было им дорого.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я дам тебе время. Но недолго. Два дня. Потом я должна доложить.

— Спасибо, — сказал Кириен.

Он повернулся к растению. Листья снова вращались — медленно, ритмично, как планеты вокруг звезды. И в их глубине — в полупрозрачной толще, — Кириен видел движение. Тени. Очертания. Мир, которого не было. Или мир, который был — но не здесь.

Ночью — по стандартному циклу, когда станция погрузилась в искусственную тьму, — Кириен вернулся в оранжерею. Он не мог спать. Он не хотел спать. Он хотел снова услышать её голос.

Растение выросло ещё больше. Теперь оно достигало двух метров, и его корни — те самые корни, что уходили в пустоту, — начали проявляться. Они не были видны глазу, но Кириен чувствовал их присутствие: воздух в оранжерее стал плотнее, как перед грозой. Что-то накапливалось. Что-то готовилось.

Он сел перед растением. Коснулся листа.

— Мирра, — позвал он. — Ты здесь?

Пауза. Потом — голос. Но не тот, что раньше. Этот голос был старше, глубже, в нём слышались ноты, которых не было в голосе девятилетней девочки. И всё же это был её голос. Голос Мирры, которой было бы сейчас пятнадцать.

— Я здесь, папа, — сказала она. — Я всегда здесь. В этом мире, в другом мире, во всех мирах. Ты просто не видел меня. Ты не хотел видеть.

Кириен сглотнул. В горле пересохло.

— Ты... ты выросла.

— Я выросла во всех мирах, где ты позволил мне вырасти. В том мире, где ты не отпустил меня. В том мире, где ты не отпустил себя.

Лист запульсировал ярче. И Кириен увидел — не отражение, не тень, а настоящее видение. Он увидел дом. Их дом в Новом Владивостоке, с верандой, увитой диким виноградом. Увидел Мирру — пятнадцатилетнюю, с растрёпанными волосами и серо-голубыми глазами, — сидящую на ступеньках и читающую книгу. Увидел себя — сидящего рядом, с чашкой кофе, смотрящего на неё с любовью, которую он никогда не умел выразить словами.

Но что-то было не так. Кириен заметил это не сразу — сначала он просто смотрел, не веря своим глазам. Потом он увидел: тени. Они падали не в ту сторону. Солнце — если это было солнце — светило справа, но тени лежали слева. И звуков не было. В этом мире — в этом видении — не было звуков. Только тишина. Идеальная, стерильная тишина, как будто мир был нарисован, а не создан.

— Это не реальность, — сказал он. — Это... это то, чего не было.

— Это то, что могло быть, — ответила Мирра. — Это то, что есть. В другом мире. В другой ветви. В другом саду.

Она подняла голову — и посмотрела прямо на него. Через лист. Через время. Через все возможные вселенные.

— Папа, — сказала она. — Ты можешь остаться здесь. Со мной. Навсегда.

Кириен почувствовал, как что-то сжимается в груди. Это было искушение — чистое, неприкрытое, почти невыносимое. Остаться. С ней. В мире, где она жива. В мире, где он не один.

— Как? — спросил он. — Как мне остаться?

— Просто не уходи, — сказала она. — Не возвращайся. Забудь тот мир. Забудь ту боль. Останься здесь.

Кириен закрыл глаза. Он видел её — свою дочь, живую, счастливую, — и всё, чего он хотел, это шагнуть вперёд. Обнять её. Сказать, что любит. Сказать, что сожалеет. Сказать, что отдал бы всё — всё, — чтобы вернуть её.

Но где-то в глубине его сознания — там, где ещё жил садовник, человек, который знал, что семена нужно сажать, даже если они не прорастают, — что-то сопротивлялось. Что-то говорило: это не она. Это лист. Это растение. Это иллюзия.

Он открыл глаза.

— Я не могу, — сказал он. — Я не могу остаться.

Мирра — видение, голос, лист — молчала. Её лицо не изменилось, но в глазах появилась печаль. Взрослая, глубокая печаль, которой не должно быть у пятнадцатилетней девочки.

— Тогда ты потеряешь меня снова, — сказала она. — Ты потеряешь меня во всех мирах. Ты потеряешь меня навсегда.

Кириен покачал головой. Слёзы текли по щекам, но он не вытирал их.

— Нет, — сказал он. — Я не потеряю тебя. Я просто... я просто буду помнить тебя. Такой, какая ты есть. Такой, какой ты была. И этого... этого достаточно.

Лист вспыхнул — ярко, ослепительно, — и погас. Видение исчезло. Кириен остался один в тёмной оранжерее, среди карликовых яблонь, с растением, которое снова светилося спокойным золотым светом.

Он сидел на полу, и слёзы всё текли, и он не знал, правильно ли он поступил. Но он знал, что не мог иначе. Он не мог остаться в мире, которого не было. Он не мог предать мир, в котором жил. Мир, в котором Мирра умерла. Мир, в котором он всё ещё был нужен — хотя бы растениям.

Он встал. Вытер лицо. Посмотрел на растение — и увидел, что оно изменилось. Листья больше не вращались. Они застыли, повернутые к нему, и их цвет стал глубже, темнее — как будто растение тоже оплакивало то, что не сбылось. А в самом низу, у корней, там, где стебель касался пустоты, начал разворачиваться новый лист. Восьмой. И этот лист — Кириен видел это отчётливо — светился не золотым, а красным. Цветом боли. Цветом потери. Цветом того, что остаётся, когда уходит всё остальное.

— Я вернусь, — сказал Кириен. — Я вернусь утром.

Он вышел из оранжереи. За его спиной растение медленно, с тихим шелестом, начало сжиматься. Листья подтянулись к стеблю, стебель изогнулся, и вся конструкция — живая, дышащая, светящаяся — стала меньше. Как будто отказ Кириена лишил её силы. Как будто она ждала большего — и не дождалась.

А в это время на Земле, в подземных уровнях «Гелиос-Био», супервайзер — женщина с холодными глазами — смотрела на экран, где отображались данные со станции «Эдем». Датчики фиксировали аномалию. Не одну. Множество. Биометрические показатели Кириена Лавра вышли за пределы нормы. Его мозговая активность — особенно в областях, отвечающих за память и эмоции, — была в три раза выше обычной. И рядом с ним — в оранжерее — пульсировал источник энергии, природу которого система не могла определить.

— Он вступил в контакт, — сказала супервайзер. — Растение активно. Готовьте группу. Мы забираем его через сорок восемь часов.

— А что с садовником? — спросил оператор.

Супервайзер помолчала. Потом сказала:

— Садовник — расходный материал. Как и все они.

Глава 3. Люди, которые смотрят в корни

Два дня прошли быстрее, чем Кириен ожидал. Он почти не спал — дремал урывками, сидя в кресле в оранжерее, с растением перед собой. Оно больше не росло ввысь. Вместо этого оно менялось: стебель утолщился, покрылся сетью тонких, как паутина, волокон, а листья — их теперь было девять — начали испускать слабое свечение, которое не зависело от освещения модуля. Ночью оранжерея светилась мягким золотисто-красным светом, и Кириену казалось, что он находится внутри огромного, медленно дышащего сердца.

Красный лист — восьмой — оставался красным. Он не менял цвет, не вращался, не реагировал на прикосновения. Он просто висел, как застывшая капля янтаря, и Кириен старался не смотреть на него.

Голос Мирры больше не появлялся. Кириен касался листьев, звал её, ждал — но листья только светились в ответ, тёплые и молчаливые, как руки спящего ребёнка. Он не знал, что это значит. Может быть, растение обиделось. Может быть, оно ждало, пока он сделает следующий шаг. А может быть — и эта мысль пугала его больше всего, — оно показало ему всё, что могло, и теперь просто... ждало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.